

© 2003 г.

Б.Л. РУБАНОВ

ФИЛОСОФИЯ ЛИМИТИЗМА К.Ф. ЖАКОВА. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ СОЦИОЛОГИИ П.А. СОРОКИНА

РУБАНОВ Борис Львович – аспирант Государственного университета гуманитарных наук при Институте социологии РАН.

В последние годы научное наследие Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), начиная с истоков его социологического творчества, является объектом пристального внимания ученых самых разных областей знания, однако заявленный в заглавии статьи аспект пока остается одним из малоизученных. И здесь возникает ряд вопросов относительно философских, религиозных, культурологических и других корней творчества Сорокина.

Перечислю наиболее существенные, на мой взгляд, идейные течения, повлиявшие на его творчество: 1) Господствовавшие в западноевропейской и русской социально-философской мысли конца XIX – начала XX века направления. Прежде всего это: западноевропейский позитивизм, придавший творчеству Сорокина черты сциентизма; западноевропейский марксизм, сообщивший его социологии оттенок утопичности; ницшеанство и антисоциологизм, выступавшие под флагом антипозитивизма неокантианского, неогегельянского и других оттенков (под их влиянием взгляды Сорокина стали, с одной стороны, более утопичными, а с другой – более критичными по отношению к позитивизму). 2) Религия, придавшая размышлениям Сорокина ценностный, этический оттенок.

Впоследствии к этому добавилась "претензия на обладание абсолютной истиной" (цит. по 1, с. 1033, 2, с. 3–9). Внешние черты этой "претензии": "многообразие" (*Новгородцев П.Н.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 121) [Цит. по: 1, с. 1032]; "научообразие" (понимаемое как стремление облечь свои идеи в сциентистскую форму) [3, с. 378; 4, *passim*].

В той или иной степени эти истоки или "корни", обусловленные общим контекстом эпохи – "серебряного века", были присущи многим жившим в то время интеллектуалам. Среди особенностей этого периода в научном творчестве Сорокина более всего отразились: утопизм [2]; универсализм (многообразие талантов конкретного мыслителя); эсхатологизм (идея кризиса мира) [1, с. 1031–1032].

Присутствие этих истоков или "корней" можно заметить у всех трех "великих учителей" Сорокина, как он сам предпочитал их называть, – М.М. Ковалевского, Е.В. Де Роберти, Л.И. Петражицкого [5, с. 184]. Они были свойственны и другим его современникам и коллегам из старшего поколения, сыгравшим заметную роль в становлении его как ученого и как человека. Среди них несколько затерялась фигура *Калистрата Фалалеевича Жакова* (1866–1926). Не в последнюю очередь это произошло "благодаря" самому Сорокину, который, за исключением самых ранних своих работ, практически нигде не ссылается на его труды. Возможно, лишь именно поэтому исследователи социологии Сорокина упоминают о Жакове вскользь, главным образом в связи с периодом адаптации молодого Сорокина к городской жизни – Жаков, как и Сорокин, был коми-зыряннином.

А между тем Жаков как математик, философ, писатель, поэт, этнограф, лингвист [6, с. 4] был заметной фигурой в русской науке того времени. Он также "занимался ... языкознанием, археологией, литературоведением, астрономией, логикой, педагогикой, был ученым-энциклопедистом" [7, с. 45, прим. 2]. Именно поэтому ему не составило большого труда ввести Сорокина

на в круг петербургской научной интеллигенции [8, с. 46]. Жаков неоднократно оказывал помощь своему земляку, при поступлении на Чернявские образовательные курсы, при зачислении в Психоневрологический институт. Позже Сорокин каждое лето в течение как минимум 1908–1911 гг. в качестве секретаря сопровождал Жакова в этнографических экспедициях.

В этот период Сорокин, очевидно, перечитал большинство трудов Жакова, опубликованных до первой мировой войны, и во многом под влиянием изложенных в них идей начал писать первые собственные сочинения. На это указывает и большое количество ссылок на Жакова в ранних этнографических статьях Сорокина, и совпадение многих идей, высказанных им в "Преступлении и каре, подвиге и награде" (1913), с идеями, высказанными ранее Жаковым в своих трудах. В качестве примера можно привести дополнение космополитической идеи "всемирного союза народов" [9, с. 617] ницшеанской идеей "сверхчеловека". В "Системе социологии" (1919–1920) Сорокина также имеются фрагменты, заставляющие вспомнить о сочинении Жакова "Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии" (1915). Однако здесь на Сорокина значительно большее влияние оказал В.М. Бехтерев, труды которого имели большое значение и для самого Жакова.

И позднее Жаков и Сорокин не теряли связи друг с другом. Так, в 1912 г. Сорокин пишет рецензию на фундаментальный труд Жакова "Лимитизм" (1912), а в 1915–1916 гг. они сотрудничают в журнале "Народная мысль", занимавшем по отношению к войне "оборонческие" позиции. Сорокин в "Дальней дороге" пишет о "длительной и тесной дружбе, длившейся до самой смерти [курсив мой – Б.Р.] Жакова" [5, с. 46]. Хотя впоследствии Сорокин имя Жакова упоминать перестает, эта фраза позволяет предположить о существовании пока документально не подтвержденной переписки Сорокина с Жаковым до последних лет его жизни. В пользу этой гипотезы говорит и факт переписки Сорокина с английским специалистом по пермским литературам Дж.-Г. Коутсом (J.G. Coates), тема которой – личность Жакова и его философская концепция [10, с. 152].

И все же Жаков был одним из учителей Сорокина. Особенно сильно его влияние на Сорокина чувствуется при сопоставлении философии лимитизма Жакова с такими важными элементами социологии Сорокина, как принцип имманентных социокультурных изменений и принцип предела. В других аспектах это влияние не столь значительно.

Жизненный путь К.Ф. Жакова

По сравнению с Сорокиным творчество Жакова известно не столь широко, по крайней мере, в социологических кругах. Поэтому кратко изложим основные факты его биографии, обращая внимание на те из них, где прослеживается связь с биографией Сорокина. К.Ф. Жаков родился, как и П.А. Сорокин, в Вологодской губернии в семье ремесленника (1866 г.). Окончив Усть-Сысольское уездное училище, он поступил в Тотемскую церковно-учительскую семинарию, которую закончил в 1884 г. Из-за богоборческих убеждений ему запретили преподавать. После трех лет скитаний Жаков поступает в Вологодское реальное училище и заканчивает его. Осенью 1891 г. он поступает в Петербургский лесной институт, но уже в декабре того же года, тяготясь городской жизнью, уезжает на родину и уходит в монастырь. Через три месяца его изгоняют отсюда за богоборчество, и как неблагонадежный он вынужден жить до 1896 г. в Вологде, зарабатывая на жизнь репетиторством и учась в Вологодской классической гимназии. В 1896 г. (в возрасте 30 лет!) Жаков поступает на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета¹, через год переводится на историко-филологический факультет, а в 1899 г. – на аналогичный факультет Петербургского университета, который и заканчивает в 1901 г. С 1899 г. каждое лето он отправляется в этнографические экспедиции по России. Под впечатлением от первых экспедиций Жаков пишет и публикует в 1901 г. статьи "Языческое мирозерцание зырян" и "Этнологический очерк зырян", и, таким образом, на 33-м году жизни начинает свою научную деятельность. В 1901–1905 гг. он преподает в различных учебных заведениях, а с 1905 г. – на широко известных тогда в России Общеобразовательных Черняевских курсах; с 1908 г. – и в Психоневрологическом институте и в это же время знакомится с Сорокиным. В 1908–1911 гг. Сорокин в качестве научного секретаря участвует в этнографических экспедициях Жакова и на основе собранных данных пишет первые статьи. Среди прочитанных Сорокиным в

¹ Он оставался "неблагонадежным" и не мог поступить в Московский и Санкт-Петербургский университеты.

эти годы трудов Жакова, вероятно, была и "Теория переменного и предела в гносеологии и истории познания" (1904)².

После 1911 г. об отношениях Жакова и Сорокина мало что известно: как уже было сказано, в 1912 г. Сорокин пишет рецензию на труд Жакова "Лимитизм" (1912), а в 1915–1916 гг. они сотрудничают в журнале "Народная мысль", занимавшем в годы первой мировой войны "оборонческие" позиции. В том же 1916 г. Сорокин пишет статью "Критика лимитизма". Весной 1917 г. Жаков уезжает по настоянию жены из Петрограда к ней на родину в Латвию, чтобы переждать смуту и отдохнуть. Однако после победы большевиков, рассматривавших его как белоэмигранта, в Россию он вернуться не мог. В Прибалтике преподавать Жакову по разным причинам не давали, он жил почти в нищете и, тем не менее, много работал: помогал многочисленным ученикам. После его смерти в январе 1926 г. они издали рукописи прибалтийского периода жизни Жакова под названием "Лимитизм. Единение наук, философий и религий" (1929).

Теория переменного и предела К.Ф. Жакова

В основе лимитистской концепции Жакова лежат два постулата: 1. «Наши ощущения – переменная величина, стремящаяся к пределу в течение биологической истории; пределом являются атрибуты вещей в себе³. 2. Вещи в себе есть действительная причина на наше "я", реакция на это действие – восприятие внешнего мира» [11, с. 2]. Вот как Жаков проводит различие между лимитизмом и философией Канта: «Для Канта явление познаваемо, вещь в себе не познаваема, а относительно Первопричины он утверждает, что ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Для лимитизма явления – это реальная категория бытия; вещь – это потенциальная категория бытия; Первопотенциал – это объединение реальной и потенциальной категорий бытия. По лимитизму мы утверждаем, что на основании изучения реального мы постигаем потенциальное при помощи исчисления тенденций. Зная же реальное и потенциальное, мы можем приближаться к познанию Первопотенциала» [12, с. 181]. "Учение, доказывающее эти положения, должно быть названо теорией переменного и предела в гносеологии и истории познания" [11, там же]. Эту теорию Жаков применяет как метод познания действительности: "система ощущений, представлений и понятий, хотя не адекватно соответствует вещам, но приближается к ним своим содержанием" [13, с. 425].

"Вселенная, по этому учению, рисуется не как предустановленная, а как созидаемая Гармония, и смысл, и цель жизни не столько нам даны, сколько построятся нами в приближении к идеальному знанию и совершенству воли и характера" [11, с. 3–4]. Именно эта "созидаемая Гармония", по мнению Жакова, и оправдывает мир.

Перейдем к космологическим взглядам Жакова. Согласно им, все развивается из ПЕРВОВОЗМОЖНОГО. "Из ПЕРВОВОЗМОЖНОГО рождается ПЕРВОПОТЕНЦИАЛЬНОЕ, из ПЕРВОПОТЕНЦИАЛЬНОГО вытекают потенциальные состояния, а из них потом возникают состояния реальные. Это – инволюция для ПЕРВОПОТЕНЦИАЛА. В дальнейшем реальности снова переходят в потенциальное, а потенциальности – в ПЕРВОПОТЕНЦИАЛЬНОЕ и затем воссоединение с ПЕРВОВОЗМОЖНЫМ. Это – эволюция для ПЕРВОПОТЕНЦИАЛА" [14, с. 32; 15, с. 146]. "Это закон миротворчества и закон мироразрушения, начало соединяется с концом. Круг замкнут" [16, с. 62].

Для простоты восприятия Первовозможного, Первопотенциального и созидаемой Гармонии Жаков как-то уподобил их Богу-отцу, Богу-сыну и Святому духу. Действительно, Бог у него «выступает точкой замыкания этого "мирового круга"». При этом он "играет, главным образом, онтологическую (космологическую) роль" [17, с. 104]. И все же это не метафора: ведь для Жакова его лимитизм соединял науки, философии и религии, и христианство – это лишь составная часть лимитизма. А значит, христианские догматы применимы и к лимитизму.

Потенциальные состояния делаются Жаковым на "абсолютные" и "относительные". К абсолютным состояниям он относит, например, пустое пространство, реализующееся как простран-

² В своих сочинениях Сорокин нигде не цитирует эту работу. Архивных сведений, свидетельствующих о факте его ознакомления с ней, также пока не найдено. Но, поскольку до 1912 г., когда вышел в свет "Лимитизм", она была наиболее фундаментальным трудом Жакова, маловероятно, что Сорокин, знакомившийся со всеми новинками социальной мысли в 1910-е гг., мог не заметить выход столь важной работы человека, который, по существу, вывел его в науку.

³ Отсюда сам термин "лимитизм" (от лат. *limes* – предел).

ство, наполненное телами, а к относительным – общее положение, реализующееся как выводы из него. Мир, возникший из Первовозможного, имеет семь граней (категорий): 1. Пространство. 2. Время. 3. Материя. 4. Психическое. 5. Логическое. 6. Эстетическое. 7. Моральное.

Потенциальные состояния именуются следующим образом (в скобках показано, как они реализуются и указаны те, кого Жаков считает авторитетами в этой области): 1. Бесконечность (пустое пространство) (гностик Валентин и апостол Павел); 2. Вечность (время без событий) (некоторые индуистские школы); 3. Первоматерия (энергия) (древний и новый материализм); 4. Душа космическая (Перводуша), (душа бессознательная) (Шопенгауэр, Э. Гартман); 5. Разум космический (Перво разум) (интуиция) (индусское учение о Бrame, Гегель); 6. Космическая жажда творчества (Первопрекрасное) (Ницше) (жажда прекрасного); 7. Любовь космическая (Перводобро) (Евклид Мегарский, Владимир Соловьев) (любовь бескорыстная, стремление к жертве бессознательной) [14, с. 36; 12, с. 184; 18, с. 92].

Эти грани гомологичны по отношению друг к другу, то есть "сходны по существу" [15, с. 102, прим. с*], а не по форме. Так, "психические процессы (ассоциации) гомологичны, но не тождественны с логическими" [19, с. 49]. Хотя "ни одна грань ни в реальном, ни в потенциальном виде не переходит в другую (например, время никогда не переходит ни в пространство, ни в материю, ни в какую иную грань)", грани составляют единое целое, поскольку только так возможно приспособление человека (физическое, психическое и интеллектуальное) [Там же, с. 26].

Итак, категории, по Жакову, проходят в развитии потенциальное, реальное и вновь потенциальное состояния. Каждая из них идет к своему пределу, стремясь максимально реализовать себя. При этом реальное состояние рассматривается как частный случай гораздо более разнообразного потенциального состояния. С другой стороны, в процессе инволюции Первотенциала мир развивается сначала в низших категориях, и только затем – в высших (логическое, эстетическое и моральное), которым соответствуют такие социально значимые ценности, как истина, красота и добро, и которые обобщаются в понятии культуры, представляющей собой неотъемлемое условие существования общества. В этом, по Жакову, и состоит прогресс. Соответственно, в процессе эволюции Первотенциала первыми переходят в потенциальное состояние высшие грани и лишь потом – низшие [20, с. 64]. Таким образом, три из семи вышеупомянутых категорий (логическое, эстетическое и моральное), хотя и не "переходят" в другие категории, влияют на них, "заставляя" их совершенствоваться: "Гипотеза о том, в какой степени психическое, логическое, эстетическое и моральное вторгались, так сказать, в цепь событий материальной энергии, производят изменения в ней, эта гипотеза, совершенствуясь, может дать методы постижения поведения лица или общества" [21, с. 77].

Наконец, "знание есть связь представлений, связь понятий и связь элементов бытия. Оттого и грани тройственны. Пространство как представление есть перспектива; как понятие есть геометрия; как бытие есть то протяжение, в котором живут звезды и атомы" [18, с. 89]. При этом о других гранях Жаков не говорит ни слова. Очевидно, он просто имел в виду, что представление – это потенциальное состояние данной категории, элемент бытия – это ее реальное состояние, а понятие – это то, как мы представляем себе данный элемент бытия.

Исторический процесс понимает Жаковым в виде "динамической пирамиды: внизу – пространство, время, материя, психика; вверху – логическое, эстетическое, моральное, а в высшей пламенная любовь – всех к единому и единого ко всем" [22, с. 119–120]. Эта схема отражена на рис. 1.

Заметим, что высказываемые Жаковым мысли об относительности знания не мешают ему трактовать эволюцию общества в позитивистском смысле, подводя ее под "закон трех стадий" Конта, добавляя к ним "еще одну – богочеловеческую, основанную на лимитивном мировоззрении, когда человек будет ощущать Бога..." [23, с. 88–89]. Такой понимаемый по-ничищенски "первотенциальный богочеловек" достигнет гармонии единичной воли с коллективной волей, так как будет наделен "способностью бесконечно ждать исполнения своих желаний, разское преследование [им] своей цели нарушает благо других" [11, с. 163].

Общество Жаков понимает как "воздействие людей и вещей по семи категориям: *территория, ответственность, хозяйство, характер народа, науки, искусство, мораль* [курсив мой. – Б.Р.]" [24, с. 111]. Аналогичные категории можно выделить и в отношении отдельного человека. Слово "аналогия" здесь применяется Жаковым для обозначения "сходства по внешности", но не по существу [15, с. 102, прим. с*]). Когда эта аналогия становится гомологией, когда общество-организм настолько унифицировано и едино, что каждый его член устроен "по его образу и подобию", тогда и достигается "истинная гомологичность общества и личности". Точно так же обстоит дело с природой и человеком: "соотношение граней природы и категорий человека есть

Рис. 1. Возникновение и развитие мира по К.Ф. Жакову

познание и постижение" [14, с. 38]. Потенциальные состояния этих категорий определяются Жаковым как "потенциальные, скрытые свойства общества", а реальные – как "явные свойства общества" [18, с. 82].

Каждой из граней мира соответствует своя область знания, своя наука. Их реальное состояние отражают соответственно: 1. геометрия; 2. хронология⁴; 3. физика; 4. психология; 5. логика; 6. эстетика; 7. этика [16, с. 53], а потенциальное – науки, имеющие аналогичные названия, только с приставкой "мета-" [Там же, с. 89–90]. Они изучают "планы", или, если использовать терминологию Платона, идеи перечисленных выше граней.

Эти науки одногранны. Другие же многогранны. Так, минералогия, а также физика, химия, астрономия трехгранны (1–3 грани), зоология четырехгранна (1–4 грани), антропология пятигранна (1–5 грани). Всего же наук 128 (сумма сочетаний из 7 элементов по 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, и 7 элементов). 129-я наука – это наука о Первовозможном и Первопотенциальном (лимитивная теософия) [15, с. 121]. К семигранным наукам относятся, в частности, наука "о человеке как идеале" [Там же], математика⁵, социология [см. 20, с. 67]. По Жакову "все науки будут построены на основании символов, в том числе и социология, которая должна быть построена на основании [г]омологичности общества с личностью" [21, с. 48].

Каждой грани общества в структуре социологического знания соответствует свой отдел:

- социальная геометрия, изучающая территорию народа;
- социальная хронология, изучающая преемственность в жизни народа;
- социальная физика, изучающая хозяйственное преуспевание народа;
- социальная психология, изучающая душу народа, выявленную в его мифах и народной поэзии;
- социальная логика, изучающая разум народа, проявленный в созданном им знании;

⁴ В смысле всеобщего учения о реальном времени, как, например, хронология истории, кинематика в механике и пр. [Прим. К.Ф. Жакова].

⁵ Хотя в принципе математика приложима ко всем семи категориям, пока она разработана, по Жакову, лишь для первых трех.

- социальная эстетика, изучающая народное творчество в искусстве и поэзии;
- социальная мораль, изучающая проявляемое героичество и готовность к жертвенности. [18, с. 92–93; 21, с. 72].

При этом философия как метанаука, как "метафизика многогранная" [14, с. 38] – только часть лимитизма, объединяющего в себе философские концепции, те же науки и религии: "оказалось: в религиях люди искали первопотенциальное, в философиях – потенциальное, в науках – реальное" [11, с. 71]. С учетом позитивистских взглядов Жакова прогрессистская трактовка им эволюции науки вряд ли может удивить. По его мнению, "законы логики постепенно прилагаются ко всем стадиям" [11, с. 107] этой эволюции. Таков ее механизм. На рис. 2 видно, как Жаков ее представил [10, с. 108].

Как следует из рисунка, эволюция науки по Жакову – это постепенное, равномерное и *неуклонное* расширение концентрической окружности. Вообще, круг для Жакова – это символ эволюции. Однако это расширение отнюдь не конечно. Как и вообще бытие, наука как инструмент человеческого познания также переживает не только переход от потенциального к реальному

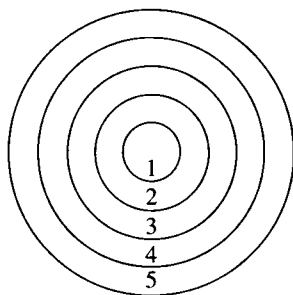

Рис. 2. Эволюция науки: 1 – язык, 2 – диалектика, 3 – наука о природе, 4 – эстетика, 5 – мораль

состоянию, но и переход от реального вновь к потенциальному. Последний процесс применительно к области науки Жаков называет диссолюцией.

Стремление к всемирной любви и гармонии реализуется, согласно Жакову, в следующей программе последовательных действий: 1. Развитие в людях склонности к религии; 2. Образование этими людьми религиозного союза добрых; 3. Создание этим союзом национального течения и на его базе – национального государства; 4. Создание кооперативного союза национальных государств [18, с. 76].

Такая кооперация, будучи семигранной, должна включать в себя следующие элементы: "связь территориальная, преемственность культур, союз и связь хозяйственных операций, развитие гармонии и воли, связь научных работ, связь эстетического творчества, связь единства идеалов" [12, с. 194]. Проведение в жизнь проекта такой кооперации – одна из самых главных практических целей лимитизма. Впрочем, это не мешало Жакову говорить о национальном самосознании, о миссии народа и т.п. Особенно его интересовала проблема миссии славянских народов, в том числе русского. Придерживаясь панславистских позиций, вместе с В.М. Бехтеревым он мечтал организовать (и впоследствии организовал) при Психоневрологическом институте "славянский комитет", который способствовал бы распространению славянской культуры и скорейшему наступлению эры славянства. Это принесло бы благо, полагал Жаков, не только славянству, но и всему миру [9, с. 617].

Далее, применительно к эволюции общества Жаков вводит понятие ритма истории, которое он определяет как чередование двух волн в истории мысли: пессимизма (начиная с древних греков и кончая Э. Гартманом) и оптимизма. Оптимизм, под которым подразумевается, собственно, лимитизм, представляется Жакову реальной альтернативой захлестнувшей современную ему эпоху волне пессимизма, морального упадка и мистицизма. При этом "детство, юность человечества снова и снова будут повторяться, но каждый раз в более роскошных формах, ибо последующая волна поднимает выше гребень, чем предыдущие" [13, с. 434].

Как было сказано выше, общество трактуется Жаковым как "воздействие людей и вещей по семи категориям". Эти семь категорий отражаются и в его классификации факторов истории:

1. Факторы, "подающиеся человеческому учету, знанию и влиянию" [18, с. 92–93]: "а. Территория и все, что связано с географией страны; б. Преемственность истории народа, его источ-

тики творчества – народная мифология и влияние соседей; с. Прошлое и настоящее хозяйственного быта народа; d. Душевный фактор. Сюда также относится и подражание, и гипноз, и характер расы, и тайные желания народа; e. Разумный фактор. Тут и науки, и воплощение их – техника и политический строй. f. Прекрасное. Тут и быт, и архитектура, и музыка, и литература, и все прочие искусства; g. Нравственный фактор. Тут и нравы, и нравственность, и религия, прошлая и настоящая" [15, с. 165].

2. Факторы, не поддающиеся человеческому учету, знанию и влиянию [18, там же]: а. "Провидение, божественное предопределение. Это обстоятельства и факты, на которые человечество влиять бессильно; b. Всевозможные потенциалы народа: миссия народа – Первопотенциал его" [15, там же].

Среди наиболее частых упреков, которые Жакову делали еще при жизни, были упреки в эклектизме и в том, что все, что он говорит, далеко не ново. Вероятно, такое впечатление складывается и у современного читателя. Вот как сам Жаков отвечает на эти упреки: "Многочисленно указывают, что в лимитизме нет ничего нового, оригинального; повторяется уже раньше кем-нибудь высказанное. Это не так. На это нужно ответить, что лимитизм не эклектика. В центре лимитизма теоремы исчисления тенденций" [18, с. 87]. Суть первой и самой главной из этих теорем уже была изложена выше. Используя "в качестве научного языка ... предельно абстрактные математические символы в духе дифференциального и интегрального исчисления" [17, с. 104], Жаков излагает эти теоремы следующим образом:

1. " \bar{U} – это Первовозможное. U – Первопотенциальное. Σ – это потенциальное. \int – это реальное. \rightarrow – знак перехода. Тогда

$$\bar{U} \rightarrow U \rightarrow \Sigma \rightarrow \int \rightarrow \Sigma \rightarrow U \rightarrow \bar{U}.$$

2. Потенциальное разнообразнее по закономерности, нежели реальное:

$$\Sigma > \int.$$

3. Потенциальное тоньше по природе, нежели реальное:

$$\Sigma < \int \text{ [18, с. 87–88].}$$

Эти теоремы – тот самый "цемент", с помощью которого Жаков пытается соединить в лимитизме знания, выработанные учеными, философами и теологами. "Предельно абстрактный" язык этих теорем позволяет ему безуспешно применить их практически к любой области жизни. Как отмечает В.А. Федорович, "по этому аспекту проблемы остается только искренне сожалеть, что К. Жаков "застрял" на И. Канте и, по всей видимости, не был хорошо знаком ни с критикой И. Канта Гегелем, ни с гегелевской оценкой применимости математического знания в сфере философии" [17, с. 104].

Элементы социологической теории П.А. Сорокина

Переходя к рассмотрению тех элементов социологической теории Сорокина, которые имеют общие черты с положениями лимитизма Жакова, начнем с принципа имманентных социокультурных изменений и принципа предела, которые лежат в основе философии истории Сорокина.

Суть первого принципа – в том, что основная причина изменения любой социокультурной системы лежит в ней самой. Окружающая среда, состоящая из других имманентно изменяющихся систем (совсем не обязательно социокультурных), является тем условием, который выступает в роли катализатора (или, наоборот, ингибитора). Максимум, что они могут сделать с социокультурной системой – это своим внешним вмешательством прекратить ее существование. Ее имманентные потенциальные возможности они при этом изменить не в силах [25, с. 747–748].

Что же касается второго принципа, то Сорокин, поясняя его, пытается ответить на вопрос: "Как возможны ритмы и периодические повторения в социокультурных процессах? Делая это, он раскрывает целую сеть различных ограничений: 1. Ограничения в причинно-функциональной связи (она существует только в определенных условиях: мышьяк может быть ядом, а может быть – в умеренных дозах – лекарством); 2. Ограничения в направленности социокультурного изменения (то есть эволюция не может быть линейной и непрерывной). Отсюда делается вывод: "для подавляющего большинства социокультурных систем, находящихся в процессе развития, число фундаментальных возможностей в отношении ... обретения принципиально новых

форм, образцов и внешних форм, которые может принимать система, – ограниченно и имеет пределы. Будучи разными по количеству для разных систем, эти возможности не безграничны, но ограничены. Пройдя их все, система либо прекращает свое существование, либо, если она продолжает жить, должна снова повторить одну или большее число ... форм, через которые уже прошла. В этом случае процесс существования системы обнаружит повторяющиеся (количественные, качественные, пространственные ритмы, повороты, образцы, формы и т.д. (независимо от того, являются ли они периодическими или нет) [Там же, с. 750–758].

Сходство и различие трактовок Жаковым и Сорокиным принципа предела и принципа имманентных социокультурных изменений

Очевидно, Сорокин при разработке этих принципов взял за основу тезисы Жакова о необратимости циклического изменения мира при возможном замедлении этого процесса и о конечности развития мира. При этом в трактовке Жаковым и Сорокиным принципа предела различий гораздо больше, чем в трактовке принципа имманентных социокультурных изменений. Разберем этот вопрос подробнее.

Ключевые моменты трактовки принципа предела Жаковым:

1. Цикличность исторического процесса.
2. Ритмичность развития исторического процесса. Под ритмом здесь понимается чередование потенциального и реального состояния категорий мира в течение инволюции, а затем эволюции Первовозможного. Также имеется в виду чередование волн пессимизма и оптимизма в истории развития философской мысли. Поскольку волна пессимизма трактуется Жаковым преимущественно негативно, констатацию Жаковым факта наличия таких волн можно расценить как косвенное признание им возможности различной скорости эволюции мира в различные промежутки времени.

3. Несмотря на то, что Жаков отмечает присущую историческому процессу цикличность, он ничего не говорит про возможность повторного прохода системой мира всех стадий описываемого им цикла. Но пока исследователям известна лишь малая часть всех трудов Жакова⁶. Вероятно, он где-то и отмечает возможность такого возникновения. Во всяком случае, то, что Жаков не оговаривает этот нюанс, дает нам возможность предположить: он не считал его особо важным. Тем более, что авторский стиль Жакова был таков, что он обычно по много раз повторял высказанные ранее тезисы.

Ключевые моменты трактовки принципа предела Сорокиным:

1. Цикличность исторического процесса.
2. Ритмичность развития системы мира. Ритм здесь понимается как различная скорость этого развития в разные промежутки времени в зависимости от внешних и внутренних по отношению к этой системе факторов. Также подразумеваются различные флуктуации (пространственные, количественные и т.д.).
3. Возможность повторного прохода социокультурной системой всего цикла как альтернатива ее гибели особо оговаривается.

Как видим, в 1-м и особенно 2-м пункте трактовки Жакова и Сорокина действительно схожи, а в 3-м пункте они, напротив, разнятся. Из последнего следует, что Сорокин ушел в своей трактовке принципа предела от Жакова достаточно далеко. Тем не менее, поскольку при изложении этого принципа Сорокин не упоминает практически никаких имен, и с учетом того, что с трудами Жакова Сорокин ознакомился раньше многих других, влияние со стороны Жакова в данном аспекте, каким бы малым оно не казалось, заслуживает некоторого внимания.

Ключевые моменты трактовки принципа имманентных социокультурных изменений Жаковым:

1. Имманентность развития мира вообще и конкретного общества в частности. Жаков делит факторы истории на поддающиеся человеческому влиянию и неподдающиеся (Провидение). Об исключительно телеологической природе его Провидения свидетельствует как само употребление в данном контексте именно такого эквивалента Первовозможного (Бога), так и характер социально-политического идеала Жакова, представляющего собой союз "национальных", то есть независимых друг от друга государств, во главе которого находятся славянские народы.

⁶ Полная библиография насчитывает более 400 наименований, из которых сейчас доступна примерно треть.

2. Необратимость перехода от одной фазы этого цикла к другой. Система в своем развитии не может "перескочить" какую-либо из фаз или, наоборот, пройти какую-либо еще.

3. Исторический процесс под влиянием внешних факторов может не только замедлиться – например, вследствие наступления волны пессимизма (сюда же Жаков зачисляет социализм как утопию, "вредную" для человечества). Он может вообще пойти вспять, вплоть до полной гибели данной системы. Именно такой прогноз развитию общественно-политической ситуации в России Жаков дал вскоре после Февральской революции. Впоследствии, уже оказавшись за рубежом, он, правда, сменил этот прогноз на несколько более оптимистичный.

Ключевые моменты трактовки принципа имманентных социокультурных изменений Сорокиным:

1. Имманентность развития социокультурной системы. Внешняя среда может повлиять лишь на скорость развития системы.

2. Эволюция системы не может быть линейной. В различные периоды времени в зависимости от конкретной ситуации система развивается по разным законам. Поэтому некая система в своем развитии под воздействием некоторых внутренних факторов вполне может перескочить какую-либо стадию цикла, пройденную другими системами.

3. Внешняя среда может повлиять на скорость эволюции системы вплоть до ее полного замедления и гибели. Таким образом, регресс вполне возможен.

Итак, различий между трактовками этого принципа Жаковым и Сорокиным действительно меньше, чем между трактовками ими принципа предела. Сходство между ними просматривается фактически во всех трех выделенных выше пунктах.

Версии осуществления влияния Жакова на Сорокина

Для осмысления факта влияния Жакова на Сорокина очень важен вопрос о его временных рамках. Очевидно, что его пик пришелся на 1908–1911 гг. и что влияние Жакова как в данном аспекте, так и в некоторых других было с хронологической точки зрения первичным. Судя по критическим отзывам Сорокина о лимитизме в 1912 и 1916 гг., это влияние затем было отнесено другими. Однако, факт переписки Сорокина с Коутсом по поводу лимитизма и его ремарка в "Дальней дороге" о продолжении контактов с Жаковым до самой его смерти заставляет думать, что лимитизм просто временно отошел для Сорокина на второй план.

Отсюда вытекают как минимум две версии развития событий: 1. Жаков и Сорокин действительно вели регулярную переписку до момента смерти первого из них в 1926 г. и она хранится в каком-либо архиве или фонде. 2. Сорокин по каким-то причинам "забыл" о более поздних, послереволюционных контактах с Жаковым. В процессе написания "Динамики" он лишь реанимировал свои впечатления от взаимоотношений с Жаковым в 1910-е гг., добавив к ним прочитанные позже труды на ту же тему других авторов – А. Гольденвейзера (A. Goldenweiser), Р. Лоуи (R. Lowie), Р. Торнвальда (R. Thurnwald), М.И. Ростовцева и А.-Дж. Тойнби [25, с. 763–764]. В пользу этой версии говорит и то, что многие "русские" статьи Сорокина можно интерпретировать как первые попытки сформулировать принцип имманентных социокультурных изменений. Первую версию за отсутствием документальных доказательств пока приходится отбросить. Что же касается второй, то в связи с ней возникает естественный вопрос: каков вес влияния Жакова на Сорокина в данном вопросе по сравнению с другими авторами с учетом очевидного факта первичности влияния Жакова? Для ответа на него нам придется рассмотреть мнения по данному поводу всех перечисленных Сорокиным мыслителей и сравнить их с мнением Жакова и Сорокина. К сожалению, рамки журнальной статьи не позволяют это сделать.

Независимо от того, какую именно версию влияния Жакова на Сорокина мы сочтем верной, возникает еще один вопрос: почему Сорокин, говоря о принципе имманентных социокультурных изменений, перечисляет довольно много имен, но не упоминает имя Жакова? Объяснения этого факта, заставляющего вспомнить об осмеянном самим же Сорокиным "комплексе Колумба", могут быть самые разные. Правдоподобнее других, выглядит, пожалуй, такое объяснение. В отличие от вышеперечисленных авторов, Жаков в знакомых Сорокину работах русского периода применял эти принципы в первую очередь к бытию вообще, и лишь во вторую очередь – к обществу. В поздних (после 1917 г.) работах Жаков уделяет применимости этих принципов к обществу гораздо больше внимания. Однако, вопрос о том, читал ли Сорокин эти работы, остается пока открытым.

Помимо этой основной линии влияния Жакова на Сорокина, можно усмотреть и несколько других. Например, в приведенной выше характеристике Жаковым предмета "хронологии" ви-

ден зародыш идеи, лежащей в основе сорокинского труда "Социокультурная причинность, пространство и время" (1943), несмотря на то, что Жаков здесь не упоминается.

Другой пример. Через год после выхода статьи Жакова "Принципы грядущего оптимизма" (1910) Сорокин публикует свою статью: "Тамсун и Верхарн как выразители современных дум и настроений" (1911). Несмотря на то, что освещаемая Сорокиным в этой работе область – социология литературы – носит сугубо прикладной характер, сходство основных ее тезисов с тезисами вышеназванной статьи Жакова бросается в глаза. При этом имя Жакова Сорокин опять не упоминает.

Хотя эти линии и не так важны, как затронутая в предыдущем разделе, влияние Жакова на Сорокина чисто хронологически предшествовало другим более мощным влияниям. Как уже говорилось, труды Жакова 1904–1908 гг. были чуть ли не первыми научными работами, прочитанными Сорокиным. А уже в них Жаков дал начатки развитого им позже лимитизма.

Наконец, фигура Жакова может быть ценной для нас не только как один из источников социологии Сорокина, но и сама по себе. Между многими идеями Жакова и таких известных мыслителей, как С.Л. Франк, П.Н. Савицкий, легко провести параллели. В отдельных случаях эти параллели могут подтвердить те факты, которые, возможно, будут установлены в результате архивных поисков и сопоставления произведений этих авторов с трудами Жакова.

Заключение

Итак, перед нами вырастает довольно обширное поле влияния одного русско-зырянского мыслителя на другого (а возможно, и их взаимовлияния друг на друга). Но даже если мы обратим внимание лишь на главную "линию" влияния Жакова на Сорокина (принцип имманентных социокультурных изменений) и закроем глаза на наличие остальных "линий", и это будет свидетельствовать о том, что Жаков оказывал на Сорокина глубочайшее интеллектуальное воздействие, вполне сравнимое с влиянием на него Де Роберти, Ковалевского и Петражицкого.

Это, в свою очередь, еще сильнее побуждает нас заняться разгадкой того, почему, как выяснилось, Сорокин после отъезда за рубеж упоминает о лимитизме Жакова лишь в частной переписке, а Жаков вообще не упоминает о своем ученике. Возможно, это приоткроет нам какие-то новые потаенные уголки душ их обоих; те, которые они не пожелали раскрыть при жизни ни в своих книгах, ни, видимо, в беседах с современниками, и, соответственно, заставит нас взглянуть по-другому на созданные ими философские системы. Это будет в какой-то мере и попытка переоценки самих себя и окружающего нас мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапов В.В. "Магический кристалл" социологии // Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. С. 1028–1042.
2. Гальцева Р.А. Очерки русской утопической мысли XX века. М.: Наука, 1991.
3. Давыдов Ю.Н. В.С. Соловьев как критик О. Конта // История теоретической социологии. В 4-х т. М.: Канон, 1997. Т. 1. Разд. IV. Гл. 1. С. 372–400.
4. Давыдов Ю.Н. Введение. Исторический горизонт теоретической социологии // Там же. Т. 1. С. 7–27.
5. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М.: Московский рабочий; ТЕРРА, 1992.
6. Микушев А.К. О Каллистрате Жакове // Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1996. С. 3–18.
7. Жеребцов И.Л. Примечания // К.Ф. Жаков в воспоминаниях современников // Родники пармы, 1990. Вып. 2. С. 45–46.
8. Липский А.В. Комментарии и примечания // Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М.: Московский рабочий; ТЕРРА, 1992. С. 254–303.
9. Жаков К.Ф. Единение славян на почве науки и философии // Вестник знания. 1909. № 5. С. 616–617.
10. Хепп К.-Б. Восприятие К.Ф. Жакова за рубежом // К.Ф. Жаков: проблемы творчества: Сб. ст. / Под ред. А.К. Микушева. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории / Уральское отделение РАН, Коми книжное издательство. 1993. С. 151–156.
11. Жаков К.Ф. Теория переменного и предела в гносеологии и истории познания. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1904.

12. Жаков К.Ф. Мысли проф. Жакова, записанные учениками его при личных беседах с ним // *Он же. Лимитизм: Единство наук, философии и религии*. Рига: Limitskas filosofijas biedrības Latvija izd., 1929. С. 168–212.
13. Жаков К.Ф. “Лимитизм”. (Теория переменного и предела в гносеологии) // *Вестник знания*. 1911. № 5. С. 425–434.
14. Жаков К.Ф. История лимитизма (Т.е. синтетически-эволюционной философии) // *Он же. Лимитизм: Единство наук, философии и религии*. С. 27–44.
15. Жаков К.Ф. Краткое руководство к лимитизму // Там же. С. 99–167.
16. Жаков К.Ф. Пробная лекция К.Ф. Жакова, прочитанная им в 41-й аудитории латвийского университета в Риге 16 июля 1920 г. // Там же. С. 45–69.
17. Федорович В.А. Философия лимитизма К.Ф. Жакова // К.Ф. Жаков: проблемы творчества. С. 102–107.
18. Жаков К.Ф. Введение к лимитизму // *Он же. Лимитизм: Единство наук, философии и религии*. С. 69–98.
19. Жаков К.Ф. Логика (с эволюционной точки зрения). СПб.: Тип. товарищества “Грамотность”, 1912.
20. Жаков К.Ф. Пробная лекция К.Ф. Жакова, прочитанная им в 41-й аудитории Латвийского университета в Риге 16 июля 1920 г. // *Он же. Лимитизм: Единство наук, философии и религии*. С. 45–69.
21. Жаков К.Ф. Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии. Пг.: Студенческое общество потребителей при Психоневрологическом институте, 1915.
22. Жаков К.Ф. Мировая грусть и пессимизм нашего времени // В Киев! СПб. “Вестник знания”. 1911. С. 109–120.
23. Ковалева Е.Д. Идея Бога в философии лимитизма К.Ф. Жакова // К.Ф. Жаков: проблемы творчества. С. 87–92.
24. Жаков К.Ф. К.Ф. Жаков о себе и лимитизме // *Родники пармы*. 1993. Вып. 2. С. 110–114.
25. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000.